

более негодовала на свет и на себя». ⁶⁵ В конце концов Милена начинает учиться повивальному искусству и занимается спасением «несчастливых младенцев».

Однако противопоставление героя действующего герою «читающему» имело лишь эпизодический характер. «Читающий» герой оставался наиболее характерной фигурой в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. Замечательно, правда, что круг чтения этого героя постепенно стал расширяться за счет произведений отечественных авторов.

Обращение к рукописным сборникам XVIII в. дает богатый материал для изучения читательских вкусов эпохи. ⁶⁶ В течение долгого времени духовные стихи, произведения Ломоносова, Сумарокова, Хераскова составляют содержание значительной части сборников, создававшихся в конце XVIII—начале XIX в. Вспоминая о своем детстве, И. И. Дмитриев рассказывал, как его отец в кругу семьи вслух читал стихи Ломоносова и какое сильное впечатление это чтение произвело на него. ⁶⁷ Между тем писатели-сентименталисты (люди примерно того же поколения, что и Дмитриев) обычно не упоминают о Ломоносове и Сумарокове, характеризуя круг чтения своих героев. Этот круг чтения намеренно сужался: образованный человек того времени знакомился с отечественной литературой несравненно в более широком масштабе, чем это можно было бы представить по текстам произведений сентиментализма. Тем не менее называемые в них книги — это сочинения не только европейских авторов, но и русских.

В повести Клушина «Несчастный М—в» круг литературных ассоциаций, связанных с образом героя, не ограничивается произведениями Гете и Руссо. М-в — это и Вертер и Сен-Пре, но кроме того он — и Ярб из «Дидоны» Княжнина. Знакомство М—ва и Софьи происходит после спектакля, в котором герой с блеском исполняет роль Ярба — «роль, которую называл он пламенной, наполненную страстей» (с. 119). Подобная ассоциация интересна как пример «своего» прочтения классической трагедии «чувствительным» героем. Однако вполне естественно, что с распространением читательского интереса к изданиям сентименталистского характера именно они и начинают упоминаться литературными героями.

Так, например, в «Часах задумчивости» Я. Галинковского мимоходом говорится, что одна из героинь, сестра Элизы, «перебирала листки Приятного препровождения времени». ⁶⁸ В повести А. Эмина «Милые нежные сердца» рассказчик вспоминает, как он наслаждался «приятной сельской жизнью» на берегах

⁶⁵ Русский вестник, 1809, ч. 7, № 7, с. 49—50.

⁶⁶ См.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения/ Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980, т. 4, вып. 2.

⁶⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 5.

⁶⁸ Галинковский Я. Часы задумчивости. М., 1799, ч. 2, с. 85.